

ЛИСА-3

**Георгий Прялкин
Анна Готина
Арсений Горшков
Ксения Занкевич
Даниил Рулькевич
Тимофей Лобковский
Артур Шока
Степан Баштовой
Иван Бачук
ЛИСА-3**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40521557
ISBN 9785449625250*

Аннотация

В сборник вошли рассказы, созданные подростками – слушателями литературного практикума «ЛИСА». Этот практикум в рамках студии «С.И.Т.Р.О.» (Минск) ведут писатели А. Жвалевский и Е. Пастернак. Жанры рассказов – от фантастики и детективов до лирической прозы.

Содержание

От составителей	5
Иван Бачук. Грязные Руки	6
Степан Баштовой. Зачем	18
Анна Готина. Пробиваясь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

ЛИСА-3

Авторы: Бачук Иван, Баштовой Степан, Готина Анна,
Горшков Арсений, Занкевич Ксения, Лобковский Тимофей,
Прялкин Георгий, Рутькевич Даниил, Шока Артур

Составитель Андрей Жвалевский

Составитель Евгения Пастернак

© Иван Бачук, 2019

© Степан Баштовой, 2019

© Анна Готина, 2019

© Арсений Горшков, 2019

© Ксения Занкевич, 2019

© Тимофей Лобковский, 2019

© Георгий Прялкин, 2019

© Даниил Рутькевич, 2019

© Артур Шока, 2019

ISBN 978-5-4496-2525-0 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-2526-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От составителей

Эта книга рождалась на наших глазах на литературном практикуме «ЛИСА», который мы ведем для подростков в Минске. Каждый рассказ – оригинальное авторское произведение. Идея, сюжет, текст – все создано самими слушателями практикума. Мы только учили ремеслу, рассказывали, «куда копать».

Рассказы получились очень разными, и это хорошо: если читателю не понравится один, второй, третий – возможно, придется по душе восьмой или десятый.

Все тексты приведены в авторской редакции, мы выступали исключительно в роли консультантов. Некоторые наши советы были учтены авторами, некоторые проигнорированы. Хорошо ли получилось – судить вам.

Сборники, созданные предыдущими выпусками студии «ЛИСА», можно найти на сайте Ridero: «ЛИСА-1» (<https://ridero.ru/books/lisa-2/>) и «ЛИСА-2» (<https://ridero.ru/books/lisa-2/>)

Андрей Жвалевский
Евгения Пастернак

Иван Бачук. Грязные Руки

Уже много веков в канадской шахтерской деревушке не тух горн и не стихали звуки молота. Древний род кузнецов работал здесь дни и ночи. Их заказчиками были короли и дворяне, а их клинки пролили кровь не одной сотне врагов.

И в этот день в руках блейдмастера блистало лезвие. Когда клинок протравили, на нем уже проступили волны дамаска. Тёмные волны сменяли светлые, но все они сходились в острие клинка. От начала и до конца лезвия шёл волнистый эфес. Волны соединялись в центре, и там же был виден эскиз надписи.

Мастер не был доволен работой, потому что за всеми этими украшениями лишь узкое, тонкое лезвие. Это не мечи, которые он ковал когда-то, а шпага, ведь их хотели офицеры. Единственным утешением было то, что хоть кто-то нуждался в его оружии.

Пока блейдмастер смотрел на свою работу, его младший сын Джеймс вытачивал рукоятку из дерева. Ну как вытачивал, пытался. Красное дерево никак не подавалось ему. Пугала Джима, однако не работа над рукояткой, а тот факт, что ему придётся точить ещё гарду и наверхие.

Заметив, что взгляд отца изменился, Джеймс прервал молчание:

– Отец, что случилось?

– Джеймс, я стар. И этот клинок делаю с трудом и ошибками. Да и время уже не то, – мастер вздохнул. – И это меня гнетёт. Единственная радость моя, что ты продолжишь семейное дело.

В кузне продолжилась работа. Кузнецы работали молча. Как вдруг человек в коричневом плаще вошёл в кузню. Изпод плаща торчал элегантный красный мундир.

– Приветствую, – так нагло в мастерскую входил только старший сын Уильям.

– Уильям, я запретил тебе здесь появляться. Ты опозорил наш род, – отец пришел в ярость.

Искра между ними готова была перерасти в пожар. Некогда пожар меж ними тушила мать, теперь тушить его некому.

– Отец, Джимми, я приехал не ссориться. То, что я отверг судьбу кузнеца – это мой выбор, нравится вам или нет. Я приехал вам кое-что показать, – с торжественностью в голосе произнес он.

Неужто это его чудо-оружие, способное уничтожать армии? Из-за него Уильям с отцом и поссорились. Уилл вывел всех из кузницы на улицу.

Неожиданно для всех, кроме Уильяма, в деревню вбежали отрядов пять солдат ленд-лорда. На улице лорд Мейнфрейд строил своих солдат, двоим из них он приказал вывести людей из деревни.

Когда один из солдат подошёл к кузнецу и его сыновьям, Уильям выстрелил в него из пистолета и повёл семью на воз-

вышенность, откуда было видно предгорье и долину.

Когда деревню очистили от людей, остались только они, гарнизон и кузнецы. Солдаты лорда выстроились в два ряда, вместе с горами они создали границу. Тем самым отрезав и себе, и мастеру с сыновьями путь отхода.

Мейнфрейд выкрикивал солдатам воодушевляющие слова, но с каждым словом ноги подкашивались у них всё сильнее. Закончив речь, ленд-лорд втиснулся в первый ряд, и вместе они выставили мушкеты перед собой. Гарнизон стоял в ожидании чего-то страшного.

На горизонте показалось нечто красное. И чем ближе оно приближалось, тем отчётливей можно было увидеть, что это другая армия. Солдаты в ней были одеты красные, как у Уильяма, мундиры. С правого плеча у них шла лента, плавно перетекающая в чёрные с красной полосой штаны. Штаны же были заправлены в чёрные, как смоль, сапоги. В руках у солдат было что-то иное – это не были мушкеты, но что-то похожее.

Солдаты в красном шли все как один. Они остановились в метрах пятидесяти от людей лорда. По команде они начали расходиться, а люди из первых рядов становились на колени или сгибались. Через минуту этой суеты, по команде, все солдаты упёрли эти странные мушкеты себе в плечо и наклонили к ним голову. Все замерли.

В этот момент лорд Мейнфрейд скомандовал «Огонь!». С небольшой задержкой защитники города выстрелили.

От выстрелов мушкетов предгорье затянуло туманом.

Когда же туман рассеялся, стало видно, что из войск снизу упали лишь несколько солдат. Остальные нападающие стояли без страха, прежним строем. Уильям махнул им платком. Вместе они выстрелили, и ряды Мейнфрейда пали. Через минуты две, красные выстрелили ещё раз, уже по тем, кто остался в живых.

Блейдмастер и Джеймс были в ужасе от увиденного. Мастеру поплохело. В его глазах потемнело, он терял сознание. Последнее что он слышал перед тем как упасть – это фраза: «Правь, Британия!».

*

Спустя неделю мастер очнулся в кузнице и первый кого он увидел – это Уильям.

– С добрым, что у нас сейчас там, вечером. Да, думаю, что сейчас вечер, – сказал быстро Уилл.

Сейчас мастер был готов увидеть кого угодно, кроме старшего сына. А тот всё продолжал:

– А знаешь отец, хорошо, что ты проснулся. Гроб нынче дорогое удовольствие, а просто тебя закопать руки не поднимаются почему-то, – с усмешкой сказал он.

– Уилли, почему именно ты? – хрипло спросил блейдмастер.

– Почему именно я что? Приехал сюда? Увидел тебя? – здесь Уильям запнулся. – Приехал я, потому что здесь мятеж. Мейнфрейд сопротивлялся, а ещё несколько лордов

противятся воле короны. Тебя увидел в каком-то смысле специально. Я предполагал, что ты и сейчас живёшь здесь, но надо было проверить. Целую неделю я ходил по городу в плаще, когда же я подтвердил своё предположение, захотелось похвастаться.

– Что тебе надо? – очень холодно произнёс мастер.

– Я полагаю, это твоя работа? – Уильям протянул обломанное лезвие. – Задумка интересная, но бездарь Джимми испортил лезвие. Не так ли? Зачем вообще ты давал ему работать? Но всё же к делу, я бы хотел такую же шпагу. Так что, начинай творить.

– А если нет? – спросил блейдмастер.

– Если нет, то бездарный кузнец-конюшник Джеймс потеряет несколько пальцев, – спокойно сказал Уилли.

– И ты готов отрезать пальцы брату из-за шпаги? – с опаской спросил отец.

– Готов ли я? Горняки нынче копают не руду, а могилы для солдат. Догадываешься из-за кого. Так что, начинай работать завтра. Доброй ночи, – отрезал сын.

Уильям быстро вышел на улицу. Как только он оказался на улице, он начал раздавать приказы. И со двора слышалось только «Да, лорд Лендгроу!». Всё-таки он сменил фамилию.

*

Ночью мастер не спал. Он приводил кузницу в порядок, оценивая масштабы трагедии.

К утру же он начал работу над шпагой. Горн разгорелся.

Огонь в нём был не таким, как всегда. Он был наполнен злостью.

Первый удар молотом ознаменовал начало долгой работы над ненавистным оружием, для нелюбимого сына.

В работе проносились дни. В которых радостями были сон и выход из кузни. «Собственный сын отправил на каторгу!», всё время думал кузнец.

Уильям не думал оставить отца. Он жил в комнате над кузней. Еду ему приносили солдаты, он спускался лишь для того чтобы позлить отца. Проверки шпаги, советы по её внешнему виду, разговоры про погоду в Лондоне и её влияние на Канаду бесили мастера больше всего. После того как Уильям заказал долы на шпагу, мастер перестал обращать на него внимание.

Всё шло своим чередом пока один раз солдат, нёсший еду Уиллу, не споткнулся, и не пролетел полпролёта лестницы.

Мастер побежал к нему и спросил:

– Эй, парень, ты как?

– Что? А нет, спасибо сэр, я ничего, только рука болит, – пытаюсь встать, сказал испуганный паренёк.

– Дай помогу. Как тебя такого молодого сюда занесло? – спросил мастер и начал осматривать руку.

– Да так, искал приключений, – ответил солдат.

– Ну и как, нравятся приключения? – с сарказмом спросил мастер.

– А сами как думаете? – переспросил парень. – Я шёл во-

евать, а не карать.

– Как твоё имя, сынок? – перевязывая руку солдату, поинтересовался блейдмастер.

– Джон. Джон Смит, сэр, – ответил, отряхиваясь, парень.

– Вот что, Джон Смит, иди к врачу, а его светлости ужин занесу я, – предложил мастер.

Джон сопротивляться не стал. Он отдал паёк мастеру и ушёл.

Мастер медленно поднялся по лестнице и открыл дверь в комнату. Там никого не было. Только свеча, сгущающая тьму в углах. Мастер вошел в покои. Положив паёк, он увидел какие-то чертежи.

То, что это оружие, мастер не сомневался. Оно было похоже на винтовку, именно так называются те странные мушкетеры, но только больше и на колёсах. Если простые винтовки принесли столько смертей, то сколько погибнет от этого?!

Блейдмастер схватил чертежи смерти и выбежал на улицу за Уильямом:

– Уильям! Уильям! Уильям! – в ярости кричал мастер, пытаюсь его найти.

Уилли долго ждать себя не заставил:

– Что случилось отец? – спокойно спросил он.

– Что это такое? – ярость мастера не стихала.

– Тебе тоже нравится? Я называю это картечница. Мощь огня, запечатанная в металле, – с фанатизмом ответил сын.

– Ты хоть понимаешь, что создал? От этого нет ни спасе-

ния, ни пощады... – начал говорить мастер.

– А я что говорю? Корона будет счастлива. Это страх всех наших врагов. Чудо-оружие, вот оно, – отвечал Уильям с тем же пылом.

– Это бесчестно! – в надежде докричаться до сына, сказал отец.

– Бесчестно, но эффективно, – парировал Уилл.

– Убийца, – тихо произнёс мастер.

– Такой же, как и ты. Я убил людей ничуть не больше чем ты или наши предки. Нет, всё-таки предки убили больше, но не суть, убийца почему-то всё равно я. Может, потому что я не боюсь своих жертв? – спросил сын.

– Я никогда никого не убивал, – раздражённо ответил мастер.

– Своими руками, конечно же, нет. Или вы с предками ковали оружие, чтобы яблоки резать? Отец, то, что ты никогда не видел, как и кому приносят смерть твои клинки, не делает твои руки чище. Оно, наоборот, делает кровь на них гуще. Сейчас, отец, ты стоишь по среди моря крови, которую наша семья помогла пролить, я же сделаю это море океаном, – со страшной улыбкой произнёс Уильям.

В то время как Уильям говорил, блейдмастер понял, что он почувствовал во время бойни. Это чувство, что он вырастил монстра. Мастер решил, что ему надо подумать:

– Клинок будет готов через неделю, – сказал он и ушел.

*

То, что Уилли сказал, надломило мастера. Он никогда не думал, что слова могут сделать с человеком такое. Работая над рукояткой, мастер начал видеть образы людей.

Образы были разные: дети и взрослые, женщины и мужчины, слабые и сильные. Они не говорили, они просто всплывали в голове и исчезали.

Мастер понимал, что этих людей никогда не было. Образы рисовала его совесть. Внезапное чувство вины не покидало его. Он даже думал наложить на себя руки, однако не смог.

Его остановила мысль, что если он умрёт, то Уильям всё равно останется в живых. «Как убить своего сына?» думал он во время работы над рукоятью. Мастера останавливала не мораль, нет, сын был для мастера мертв, его останавливала целая орава солдат вокруг сына, так что просто зарезать Уильяма не получилось бы.

Работа над клинком была закончена. Самое время отнести шпагу лорду Лендгроу.

Блейдмастер шёл по улице не спеша, Он наслаждался погодой, сейчас – это было редкое удовольствие. Мастер шёл длинной дорогой, ему надо было заглянуть к Джеймсу.

Бедный Джимми, после бойни его обвинили в измене и приговорили к каторжным работам.

Возле конюшен мастер почувствовал радость. Он наконец увидит младшего сына, но это будет короткая встреча.

И вот отец подошёл к сыну и начал разговор:

– Джимми, у меня мало времени, а дело серьёзное, – быст-

ро сказал он.

– Отец, что случилось? – взволнованно спросил Джеймс.

– Нет времени объяснять. Слушай. Вот деньги, купи мне лошадь и приведи к её к воротам. По дороге зайди в кузницу. Там возле двери лежит большой чёрный мешок, возьми его с собой. Как только я уеду, уезжай и ты. Ты меня понял, Джеймс? – так же быстро произнёс мастер.

– Понял, – без лишних вопросов ответил Джеймс.

Выйдя из конюшни, мастер ускорил шаг. Ведь ему идти ещё полгорода до аванпоста.

Вошёл в аванпост королевских войск блейдмастер быстро, а вот в нём пришлось под задержаться. Ведь Уильям начал разговор:

– Недурно, недурно ... – Уилл рассматривал шпагу. – Мне нравится. Плату заберёшь у квартмейстра.

– Не нужны мне твои деньги. Лучше освободи Джеймса, – потребовал мастер.

– Будь по-твоему, отец, – Уильям написал что-то на бумаге. – Отдашь ему это, и пусть он идёт на все четыре стороны.

– Прощай, – мрачно отрезал мастер.

Блейдмастер вышел и побежал к воротам. Забавно, ведь даже будучи мальчишкой он не бегал, так быстро.

У ворот он отдал Джеймсу бумагу и забрал коня и мешок. Попрошавшись кивком, мастер начал свой долгий путь.

*

В дороге мастер искал искупления. Поначалу его мучили

кошмары и образы.

Потом же образы шли с ним плечом к плечу. Образы более не были его мучителями, они, если и не становились его друзьями, то уж точно переставали его истязать. Мастер искал перед ними прощения, а они его прощали. Со временем картин из головы становилось всё меньше и меньше.

На одной своей стоянке мастер почувствовал облегчение. Он не понимал из-за чего, пока через месяц не приехал в город. Там был праздник, по окончанию мятежа.

Хоть мятеж и подавили, но свой след он оставил. Когда мастер уехал, повстанцы всеми силами начали контратаку. Они взяли город в осаду. В ходе осады город сожгли.

Уилл с маленьким отрядом попытались снять осаду. Их разбили и загнали в угол. Они дрались до последнего. Когда у Уильяма закончились патроны, он пошёл в рукопашную атаку. Его первую шпагу сломали, и он забежал к себе в комнату за второй. Там его ждали враги. Уильям ухватился за ножны и дернул рукоятку, чтобы достать шпагу, но рукоятка с гардой слетели с клинка. Интересно, что тогда подумал Уильям? Те, кто поведали мастеру о смерти его сына, сказали, что Уильям произнёс: «Он меня обманул! Ха... Правь, Британия, правь морями!». Потом он засмеялся громко и безумно. Его проткнули шпагой, а он смеялся. Уильям умер с улыбкой на лице.

Несмотря на смерть сына, мастер продолжил свой путь искупления. В голове у него были лишь два вопроса: «Сгоре-

ли ли чертежи?» и «Где же сейчас Джеймс?».

Степан Баштовой. Зачем

И вот я полетел, ветер ударил в лицо. И приземление.

Белый свет и голос.

– Зачем?

– Я расскажу: началось всё в дождливую, ужасно холодную погоду. Я работал дворником, у меня не было ни семьи, ни девушки, ни денег. Я часто голодал, жил в маленькой каморке, ел почти объедки.

Каждый день я встаю в шесть часов и работаю десять. Потом иду в магазин, за рубль покупаю еду быстрого приготовления и ем. Так проходит каждый день уже 25 лет. И вот одним прекрасным, ясным летним днём я подметал двор. Проработав около четырёх часов в жару, я ужасно устал и присел отдохнуть. Тогда я в первый раз увидел её. Она подошла ко мне и спросила.

– О, извините, не подскажете, где здесь театр? Я не местная.

Прекрасная дама, в синем пальто, с голосом как у птицы, подошла ко мне, и это был лучший момент в моей жизни.

– Конечно, – ответил я, – могу проводить вас, если хотите.

– О, это было бы очень мило с вашей стороны.

И мы пошли, я привёл её ко входу и уже хотел прощаться, как вдруг она предложила пойти с ней в театр.

– Я куплю вам билет, если вы, конечно, не против, мне не с кем больше пойти.

– О, не стоит, – сказал я, хотя ни разу не был в театре.

– Ох да, мама говорила мне, что я бываю навязчивой.

– Что? Нет, ни в коем случае. Я схожу с вами, сейчас куплю билеты.

– О, не стоит, я недавно получила огромное наследство, мне не сложно.

И прежде, чем я успел что-то сказать, услышал:

– Два билета, пожалуйста, на вот этот спектакль.

– Пожалуйста, – ответил кассир.

Я был тронут до глубины души.

– Спасибо...

– Ммм... я не знаю что сказать.

– О, спасибо достаточно.

Через два часа мы полюбили друг друга. Мы гуляли весь день и рассказывали истории. Потом я пригласил её домой и угостил чаем.

– Какой вкусный чай! – сказала она.

– О, конечно да.

Она рассмеялась, и я почувствовал себя счастливым.

На следующее утро она пошла на работу, по дороге сделав мне завтрак, и он был великолепен. Я весь день за метлой думал о ней, о её голосе, каштановых волосах и глазах.

Вечером я готовился к её приходу, очень тщательно, я подготовил вилки, тарелки и стаканы. Поставил свечку

и приготовил макароны. Она пришла ко мне с вином, села и мы весь ужин наслаждались компанией друг друга, тогда произошёл наш первый поцелуй, страстный, полный любви. Я понял, что счастлив. На улице была буря, ветер срывал листья с деревьев. Я ушёл в другую комнату, написал пару строк на бумаге и вышел на улицу. Ветер ударил в лицо, я оставил записку в кармане её куртки и сказал, что иду в магазин за хлебом, а сам пошёл на самый высокий мост, и прыгнул вниз.

И вот я полетел, удар.

Вот ответ на ваш вопрос, я сделал это потому что...

Анна Готина. Пробиваясь

Ветер со свистом бил в закрытый шлем. Задеревеневшее лицо не выражало ни одной эмоции, но кому какое дело, что на лице у мотоциклиста на дороге?

В голове лихорадочно вились мысли, словно калейдоскоп сменяли друг друга, в момент развивались и складывались во все более неутешительную картину.

«Променяли меня».

«Да откуда он вообще взялся?!»

«Почему они вообще подумали об этом?»

А ведь все начало налаживаться. На самом деле, его жизнь никогда не была ужасной. Интеллигентная семья, адекватные родители, которые никогда не были против его увлечения музыкой. Первую гитару тоже подарили родители – она до сих пор стоит в углу комнаты.

Но он случайно познакомился со своим первым лучшим другом. Его звали Андрей, они были ровесниками. Этот странный, смешной парень на самом деле сделал все, чтобы жизнь новоиспеченного друга расцвела новыми красками. Он уговорил его начать играть на гитаре, предложил создать музыкальную группу и сам набрал туда людей. Он умудрился собрать полный состав, не смог найти только вокалиста, но и без него группа могла существовать.

Все закрутилось, словно в раннем детстве – новые знако-

мые, бесконечные репетиции, новые композиции, постепенное сближение с новыми членами группы... Все это было настоящим глотком свежего воздуха. И единственное, чего он тогда боялся, это то, что они все исчезнут. Бросят, показав, что может быть по-другому. Но все переживания исчезли вмиг, когда пришло время главного страха.

Первый концерт. Первый для группы и самый первый в его жизни.

Вся группа волновалась, иначе и быть не могло, но не так как он. Он не спал несколько дней, его трясло, он ни с кем не общался. Зато он написал не одну мелодию, почти целый альбом.

Он и до этого писал неплохие песни, некоторые даже разбирали с группой, но именно в эти дни перед концертом он писал лучше всего. Но и среди них была одна. Мелодия, от которой по спине пробегал холодок, и хотелось взвыть, чтобы все услышали и прочувствовали это.

Сам концерт был не хуже дней перед ним. На самом деле, весь страх неожиданно исчез, стоило ему выйти на сцену. В глаза били прожектора, много прожекторов, слепяще-ярких и удивительно приятных. Было привычное, и в то же время особенное звучание гитары. Это было совсем не так, как на обычной репетиции. Казалось, что-то в груди сейчас вспыхнет и превратится в огромный костер, и он сгорит дотла прямо на этой сцене.

Но самое дорогое для него было после концерта. Потому

что его хвалили все.

Родители, группа, родители членов группы, учителя, незнакомые гости... Каждый подошел, и сказал хоть пару слов о том, что он сделал весь концерт. Это было настолько непривычно, но настолько приятно, что разгорающееся в груди пламя никуда не исчезло, а свернулось в маленький комочек и уютно заворчало между ребер.

Все было так хорошо, что даже не верилось. Но, в итоге все снова пошло под откос. Одно маленькое решение, небольшой разговор...

И в их группе новый член. Гитарист. Еще один.

Первое, что он почувствовал, была радость от того, что можно занять еще одного друга. Потом пришла досада, что нужно узнавать его, чтобы нормально общаться. Но попытки познакомиться человека закончилось очень быстро – его звали Ярик. А потом пришла чистая ревность.

Вся группа активно узнавала нового человека, все ему помогали, потакали. С ним все постоянно общались, а любая попытка обратить на себя утраченное внимание заканчивалась глупо, неловко и ни к чему хорошему не приводила. Да и Ярик с чего-то не возлюбил первого гитариста и в его сторону посыпались вечные подколки со стороны как его, так и остальных членов.

Это было обидно, но вполне терпимо. Ровно до сегодняшнего дня. Именно сегодня новичок переполнил чашу терпения, всего одной сказанной невпопад шуткой. Всего одна

фраза, но она настолько попала в больную точку, что даже не верится, что Ярик так плохо знал его.

«Да не бойся, мы же не исчезнем».

И он сорвался. Накричал, выговорил почти все, что о нем думает, оставив невысказанными только самые сокровенные обиды, те, что задевали самые глубокие проблемы. Но больнее всего было то, что стоило ему наконец немного успокоиться и сделать перерыв, как остальная группа, его единственные друзья, не поддержали его. Как раз наоборот. Они начали доказывать, что он вспылал, перегрелся, перевозбудился и вообще-то ему бы стоило извиниться.

«Неужели они в самом деле решили заменить меня на него?»

Он просто развернулся и ушел. Оставил все, даже гитару положил, где стоял. И ушел. Сел на мотоцикл и уехал в город.

У него не было человека, к которому он мог бы прийти без разрешения и получить поддержку. Точнее, этот человек остался в том проклятом зале, где они репетировали. Он просто гнал по городу, без цели, а в голове только прокручивались последние события. Ему было слишком обидно, слишком больно.

Он открыл визор, чтобы ветер начал бить в лицо, хотел почувствовать холод и резкий воздух. Но не подумал о том, что от такого глаза начнут слезиться, а на дороге, да и на такой скорости это совсем не хорошо. Он осторожно поднял руку, чтобы вытереть холодные капли...

Последнее, что он запомнил – это светящиеся прямо в лицо фары.

*

Белый потолок. Он близко и далеко одновременно. Между лицом и потолком появилось темное пятно. Кажется, оно шевелилось...

Он не знал, сколько времени он так пролежал. Темное пятно то пропадало, то снова появлялось, и это, с одной стороны, немного нервировало, но, с другой стороны, оно было хоть каким-то разнообразием белому потолку.

Наконец, пространство вокруг начало проясняться, и стало понятно, что потолок не такой уж и белый, а скорее грязно-серый. А когда снова появилась это странное пятно, то стало понятно, что это лицо. Но он всё еще видел все очень размыто, и, чтобы разобрать, чьё это лицо, потребовалось еще какое-то время. Наконец выяснилось, что это было лицо того человека, которого одновременно хотелось видеть меньше всего и было очень приятно, что он сейчас здесь. Это было лицо его первого лучшего друга, того, который вытянул его из болота.

Он хотел спросить, что произошло, и где они сейчас, но язык не хотел ворочаться, и вместо нормальных слов получилось какое-то неопределённое мычание.

– Наконец-то очнулся! – воскликнул Андрей в ответ и куда-то исчез.

Через какое-то время он вернулся вместе с доктором,

и началась беготня. Оказалось, из-за поворота вылетел неадекватный водитель и сбил его. И ему долго объясняли, что все могло бы быть значительно хуже, и что ему повезло, что он отделался сломанным носом, несильным сотрясением и поврежденными руками. Когда он, с замирающим сердцем, спросил, сможет ли он продолжить играть на гитаре, ему ответили, что все станет известно только после операции.

К нему отсылали разных врачей, к нему приходили родители, с ним постоянно сидел кто-то из группы. Даже Ярик попытался один раз навестить его, но, к счастью, быстро понял, что ему тут не рады и почти сразу ушёл.

Боль и сложности с восстановлением отошли на задний план, ведь для него все стало, как прежде. Друзья были рядом, поддерживали его, говорили, что останутся с ним в любом случае. Как раз подошло время следующего концерта, и группа активно обсуждала с ним, как это будет происходить.

Все это было похоже на сказку, и операцию на руки он перенес совсем неплохо. Но и в этот раз все резко обернулось для него худшим образом.

Один последний разговор с лечащим врачом перед выпиской, заданный невпопад вопрос, косой взгляд, и приговор был вынесен.

Мелкая моторика больше не восстановится.

Играть на гитаре он больше никогда не сможет.

После выписки ему сказали сидеть дома, чтобы оконча-

тельно восстановиться, и у него появилось огромное количество времени. Он не мог думать ни о чем, кроме того, что вся группа готовится к концерту с новым гитаристом. Из-за этого с друзьями он виделся все реже, и ему начало казаться, что его опять все оставили позади.

Эта мысль разъедала его постоянно, а в сочетании с огромным количеством времени, он начал размышлять, проводить несуществующие параллели и пришёл к неутешительному выводу.

Это он все подстроил. Подстроил чертов Ярик. Это все он виноват, он хотел убрать конкурента. И он это сделал.

Он постоянно раздумывал над этим, находил новые подтверждения своей мысли и накручивал себя все сильнее.

Родители все пытались вернуть его к нормальной жизни, и все говорили ему, чтобы он хотя бы сходил на репетицию группы, и не могли понять, почему он так резко отказывался. А за день до концерта он заперся у себя в комнате, даже не слушая просьбы сходить хоть туда. Единственное, что заставило его расшевелиться, это письмо, которое пришло на его имя. Отправитель указан не был, а в конверте лежал билет на концерт и маленькая записка с незнакомым подчерком:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.